

Горного Алтая скифской эпохи // Социально-экономическая структура древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 115–127.

Ширин Ю.В. Охранные археологические работы в исторической зоне «Кузнецк» и на юге Кемеровской области в 2003 г. (Новокузнецк, 2004) // Архив историко-архитектурного музея «Кузнецкая крепость», Ф. 3. Оп. 3. Д. 26/27.

Н.И. Рыбаков

Петровская академия наук и искусств, Сибирское подразделение

ПЕТРОГЛИФЫ ГОРЫ ЧУРТАГ И ЕЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ

Петроглифы горы Чуртаг (Северная Хакасия) задокументированы автором в 2003 г. Они представляют культовую иконографию чужеродной религиозной традиции и являются сопутствующим камнеграфическим комплексом изображений персонажей в мантиях (Подкамень: экспедиция И.Р. Аспелина, 1887). Это символическое искусство характеризует религиозный синкретизм буддийско-манихейских сововлечений конца VIII – X в. в исторической среде государства древних кыргызов. Некоторая часть этой петрографики, по мнению автора, имеет подобия и тождество петроглифам на торговых путях Северного Ладакха.

***Ключевые слова:** синкретическое искусство, равноконечные кресты, космические символы, буддизм, манихейство, торговые пути, Енисей, Северный Ладакх.*

Гора Чуртаг, жизненная гора, гора жизни, входит в ландшафтный комплекс хребта Арга, разделяющего две реки: Белый Июс и Черный Июс, территории Северной Хакасии. Гора обращена южным склоном к реке Кизилке, левому притоку Белого Июса. Глухие ландшафты бассейна Кизилки не попадали в поле зрения научных экспедиций, включая самую раннюю – петровского времени (Д.Г. Мессершмидт, 1722).

Три группы петроглифов, обнаруженные на скальных обнажениях горы, представляют варианты равноконечных крестов, астральных символов и комбинированные сопоставления тех и других. Памятники задокументированы автором в 2003 г. Они представляют визуальные камнеграфические образы культового синкретизма чужеродной религиозной традиции и являются сопутствующим комплексом всего фонда изображений персонажей в мантиях (экспедиция И.Р. Аспелина в 1887 г.). Это искусство в целом как факт характеризует буддийско-манихейские сопряжения в государстве древних кыргызов (конец VIII – X в.). Воспроизведения на скальных плоскостях древних отложений красновато-бурого тона выполнены в технике грубой выбивки,

сильно запатированы. Используемые здесь дополнительно памятники окружения горы Чуртаг представляют в основном такие же грубо воспроизведенные выбивки на плитах погребальных объектов: последние от горы Чуртаг размещены в ландшафте на расстоянии не более 10–15 км. Сопроводительный текст дается в формате кратких комментариев.

Рисунок 1.1–3 – группа петроглифов, воспроизведенных на трех плоскостях горы Чуртаг первого яруса, напоминающего древнюю каменоломню. Рисунок 1.1 – первая плоскость: слева направо – круг, два космических знака (солнце–луна) друг над другом. Далее – два равноконечных креста над горизонтальным отрезком (перекладина?). Рисунок 1.2 – вторая плоскость: солнце–луна и равноконечный крест над перекладиной. Рисунок 1.3 – третья плоскость: три равноконечных креста над перекладинами. Сочетание космических знаков и крестов в первом и втором примере задает важный вопрос: визуальный ряд представляет знаки-тамги или символы неизвестной культовой эпиграфики? (См. ниже).

Равноконечные кресты засвидетельствованы в свое время туркестанскими экспедициями начала XX в. Рисунок 1.4 – равноконечный крест из сборов Ле Кока (МН4b), размещенный в верхней части манихейской миниатюры (Кочо, VIII–IX вв.: Klimkejt H.J., 1987, p. 37, abb. 6).

Рисунок 1.5 – петроглифический равноконечный крест, происходит из местности Drangtse (Gilgit, Ladakh). В этом же окружении были обнаружены петроглифы западнее по р. Hunza, в долине Shayok: кресты, секиры, буддийские ступы, надписи на разных языках. Здесь перекресток торговых маршрутов из Бактрии Памира и западного бассейна Тарима в Индию и Центральный Тибет. Рисунок 1.6 – равноконечный крест из тибетских материалов (Pelliot, Национальная библиотека Париж: Uray G., 1983, plate XVII).

В конце XX в. развернулась полемика касательно петроглифов на периферии Тибета (Uraj G., 1983, p. 404; Klimkejt H.J., 1979a, p. 103; 1979b, p. 384; Franke A.H., 1925, p. 366–370, pl. 2; Benveniste E., 1938, p. 503–504; Dauvillier G., 1948, p. 143, 294). Ученые не пришли к общему мнению: являются ли кресты буддийскими, христианскими или манихейскими? Дополнительно к коллекции вновь обнаруженных памятников задокументированы кресты (Klimkejt, Braker) в пункте (gSum brtsegs, Gilgit) Верхнего Ладакха. Х.-Ж. Климкейт интерпретирует их как «манихейские кресты света, сменившие ваджру и луну» (Klimkejt H.J., 1979a, p. 108–109). В отличие от этого суждения кресты в настенной живописи (Bazaklik, Turfan), как предполагается, представляют буддийский знак *cintamani* (Uray G., 1983, p. 420). Касательно наших кре-

стов на горе Чуртаг следует сказать, что в одном ряду с солярно-лунарными изображениями они имеют значение культовой символики и входят в комплекс религиозной деятельности миссионеров-синкретиков.

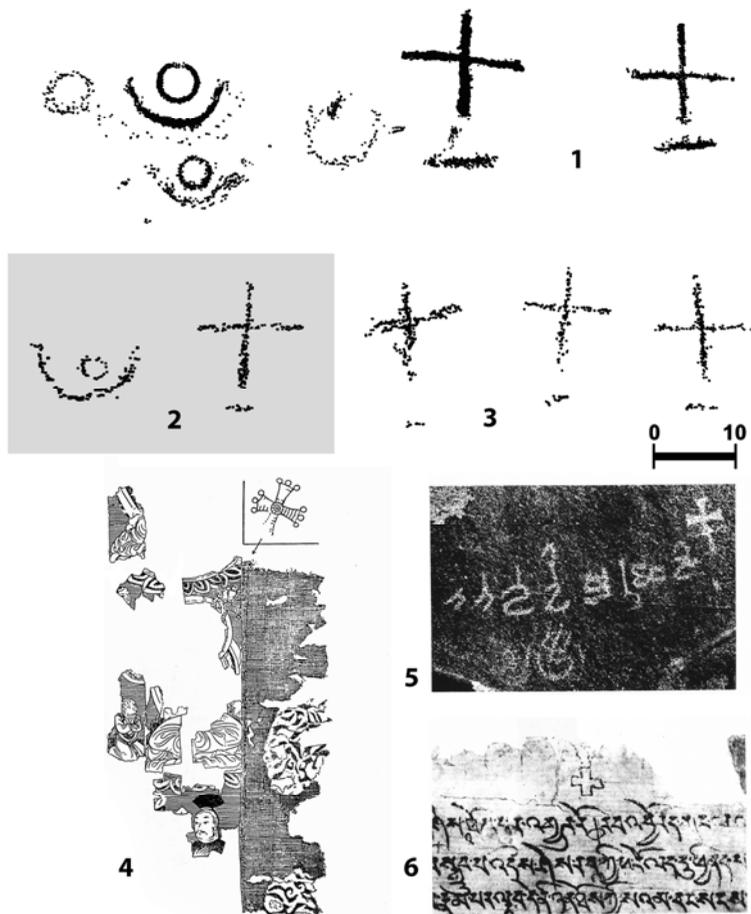

Рис. 1. 1 – равноконечные кресты и астральные знаки горы Чуртаг, первый ярус, первая плоскость (материалы автора); 2 – «солнце-луна» и равноконечный крест, вторая плоскость; 3 – три равноконечных креста, третья плоскость; 4 – равноконечный крест из турфанской коллекции (Кочо, VIII–IX вв.) (по: Klimkejt H.J., 1982, abb. 6. p.37);

5 – петрографический равноконечный крест (Drangtse, Ladakh: Uray G., 1983, plate XVIIa); 6 – равноконечный крест в тибетском тексте, сборы Пеллиота (по: Uray G., 1983, plate XVIIb)

Рисунок 2.-1–3 – петроглифы горы Чуртаг второго яруса представляют разные комбинации солнца–луны и один равноконечный крест без перекладины, воспроизведенные на трех плоскостях памятника. Однозначно являются продолжением вариантов космических знаков и крестов первого яруса. Рисунок 2.-1 – первая плоскость: знак солнце–луна и дуга (полумесец). Полумесец выбит отдельными крупными точками наподобие ожерелья. Рисунок 2.-2 – вторая плоскость: группа из трех знаков: круг, равноконечный крест, круг в круге. Внешний круг последнего знака имеет расплывчатые очертания. Рисунок 2.-3 – третья плоскость: круг, солнце–луна и полумесец над ними. Разъединение небесной пары «солнце–луна» на составные части, во-первых, напоминает мистические астральные переживания, во-вторых, отрицает какое-либо соответствие или подобие этих знаков с тамигами удостоверительными, родоплеменными, фамильными и т.д. Равноконечный крест, возможно, вписан в общую систему солярно-лунарных сопряжений в качестве равнозначного астрального символа. Рисунок 2.-4 – опубликованный ранее памятник, воспроизведенный в формате грубой примитивной енисейской петроглифической традиции, идентифицируется как тюркско-манихейское божество Кун-Ай-Тенгри, которое упоминается в «покаянной молитве» (Хуастуанифт, 40). Лунно-солнечное существо входит в группу женских божеств Центральной и Средней Азии, богинь на звере, держащих солнце и луну (рис. 2.-5–8) (Рыбаков Н.И. 2011, с. 125).

Рисунок 3.-1 – третий культовый объект горы Чуртаг третьего яруса – место под скальными обнажениями. Проход под ними в виде тропы оканчивается видом на восток. Вероятно, те же носители культовой эпиграфики, воспроизведенной на первых двух ярусах, посещали объект. Автор этих строк присутствовал в этом месте во время летнего солнцестояния (2003). Здесь обнаружено два памятника. Рисунок 3.-2–6 (и рис. 4.-1, см. ниже). Под скалой на горизонтальной плоскости выбита череда знаков из пяти изображений. Читаем справа налево (восток/запад) – посолонь: в таком порядке они размещены на плоскости. Знак 2 представляет выбитый редкими точками круг в круге. Знак 3 – изображение фрагмента равноконечного креста. Знак 4 – солнце/луна. Знак 5 – круг с вертикальной дугой слева, по сути та же небесная пара, стоящая на торце. Знак 6 – полудуга рожками вверх. Далее приводим самое простое суждение о таком редком астральном сопоставлении. Равноконечный крест, возможно, удостоверяет фактически самого носителя. Как мы знаем, такой графический адрес в некоторых случаях засвидетельствован исследователями в енисейской петроглифике.

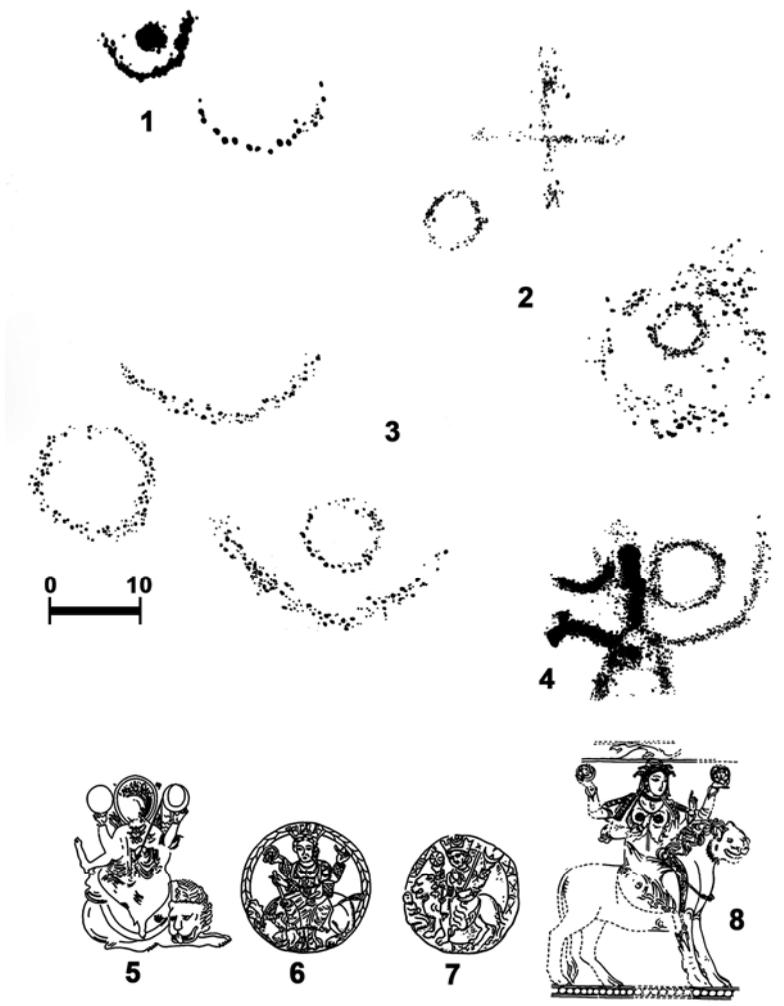

Рис. 2. 1 – Астральные символы: второй ярус горы Чуртаг (материалы автора); 2 – астральные символы и равноконечный крест; 3 – астральные символы; 4 – кыргызская богиня с солнцем и луной Kun-Aj-Tengry, Барстаг, окрестности горы Чуртаг, по: (Рыбаков Н.И., 2011, с. 125); 5 – Пенджикент (по: Маршак Б.И. и др., рис. 70); 6 – Хорезм, деталь серебряной чаши (по: Дьяконов М.М., 1954, рис. 11); 7 – «Хорезмийская Анахита» (по: Дьяконов М.М., Смирнова О.И., 1967, рис. 4); 8 – четырехрукая богиня Уструшана (по: Негматов Н.Н., 1964, рис. 1, с. 148)

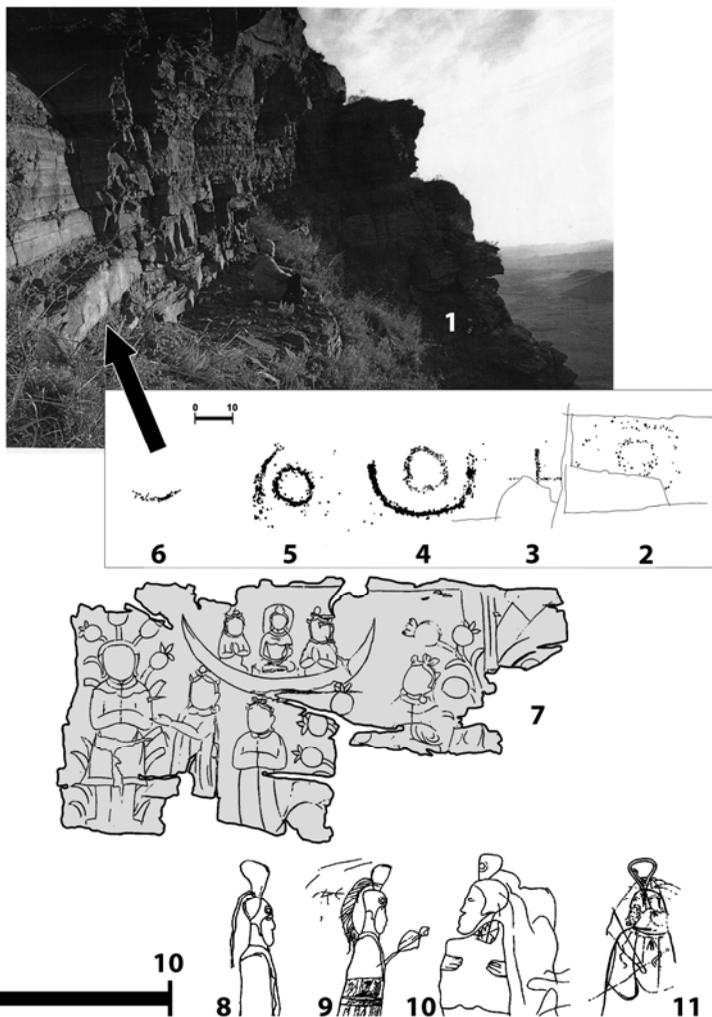

Рис. 3. 1 – третий ярус горы Чуртаг, местонахождение космических знаков (материалы автора); 2–6 – петроэпиграфическая астральная группа знаков; 7 – сцена с луной из турфанской коллекции (Кочо: Klimkejt H.J., 1982, plate XXV, f.45); 8–11 – персонажи в мантиях с эмблемой на лбу «круг в круге» (Барстаг, Подкамень) (материалы автора); 11 – персонаж с солярно-лунарной эмблемой на лбу, Подкамень (по: Appelgren-Kivalo H., 1931, abb. 98, p. 19)

Четыре космических символа показывают состояние временных фаз восхода и захода луны и солнца в течение суток. Тогда первый знак под цифрой 2 обозначает утро. Соответственно, знак 4 – полдень, знак 5 – вечер, и знак 6 – ночь.

Вся астральная группа из четырех знаков гипотетически констатирует петроэпиграфическую «запись» четырехразовой дневной или суточной молитвы. Расхождение между четырехкратной (Зуев Ю.А., 2002, с. 248) и семикратной суточной молитвой (BeDuhn J.D., 2000, p. 149) указывает на практические нормы разных манихейских традиций. Показательна в этом аспекте ночная ладья смерти (Корабль ночи), в виде полумесяца (рис. 3.-7) из турфанской коллекции, в которой восседают, согласно манихейской доктрине, Первочеловек, Иисус-Сияние и Дева Света (Klimkejt H.J., 1982, plate XXV).

Знак утра, «круг в круге», тождествен эмблеме на лбах носителей, персонажах в мантиях (рис. 3.-8–11). Семантика эмблемы «круг в круге» на лбах носителей синкретиков является пока вопросом без ответа.

Рисунок 4.-1 – петроглифы на этом же ярусе горы Чуртаг, в 20 м от предыдущего памятника. Грубая выбивка воспроизводит космический знак в перевернутом виде. Под ним граффити и миниатюрное изображение: небесный лучник и человек этнографического времени. Астральный образ, представляемый здесь, – единственный в целом комплексе петроглифов Июских степей. Воспроизведение небесной пары в перевернутом виде (полумесяц рожками вниз) – редкое петроглифическое явление. (Знак не следует отождествлять с древнейшим символом «перевернутого» неба или женского начала). Образ перевернутой «небесной пары», насколько мы осведомлены, известен только в единственном экземпляре, на одной из книжных миниатур турфанского фонда (МК III 4974 recto: BeDuhn D. J., 2000, plate 1). Изображение демонстрирует сцену из двух священнослужителей и двух послушников. У их ног на разносе ритуальная пища. Жест рук, подобно буддийскому *vitarka mudra*, символизирует посыл божеству в акте поедания пищи – «святые дары». Ответ божества, как действие искупления, трансформируется в изображение «солнца/луны» в перевернутом виде (в черно-белом изображении не заметна небесная пара, написанная золотом). «Святые дары» и «ответ бога» сбалансированы в реальном и воображаемом. Культовый символ «солнце/луна» принадлежит согдийско-турфанской традиции, корни которой – Месопотамия (Gulacsi Z., 2005, p. 109).

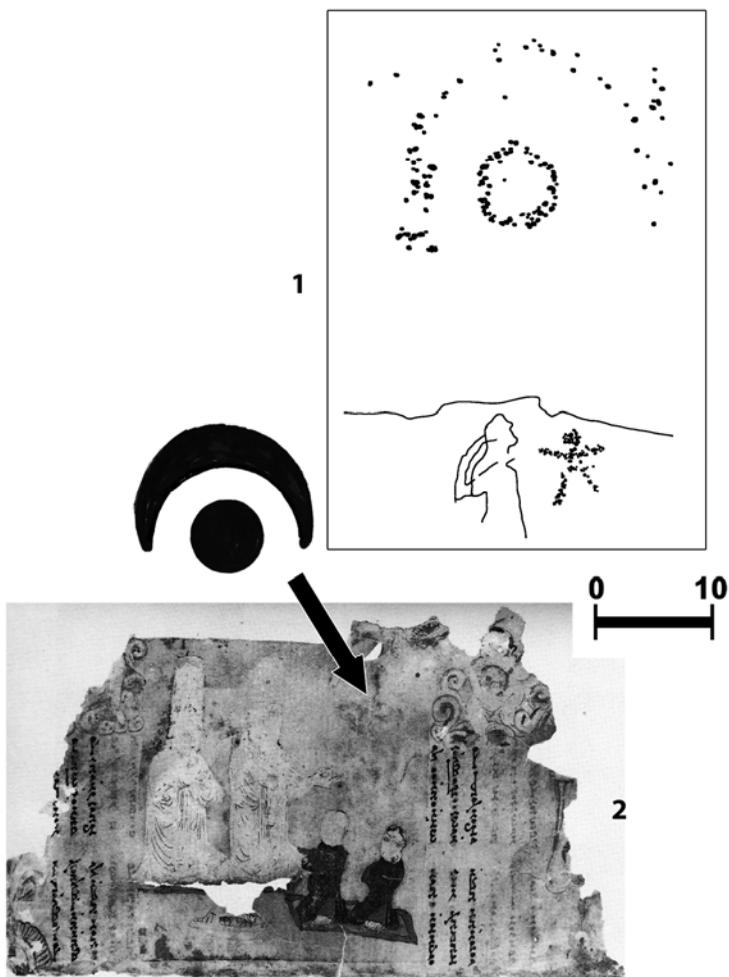

Рис. 4. 1 – знак «солнце–луна» в перевернутом виде, третий ярус горы Чуртаг (материалы автора); 2 – сцена пожертвования «святых даров», турфанская коллекция (МК III 4974 recto: BeDuhn G., 2000, plate 1)

Мистическое явление впервые было интерпретировано в середине XX в. Энри Чарльс Пуеш представил образ перевернутого знака из состава турфанской коллекции на обсуждение – Париж (1953–1954 гг.) (сообщение: BeDuhn D.J., 2000, p. 157) (Puech H.-C. 1968, p. 313–14).

Рисунок 5.-1 – окружение горы Чуртаг. Точечные выбивки на плитах погребений воспроизводят знак «солнце–луна», сочлененный с кыргызско-манихейским крестом. Крест является модифицированным символом кыргызско-манихейской составляющей в формате религиозно-исторических отношений центральноазиатских комплексов – уйгурского, согдийского, иранского и переднеазиатского (Рыбаков Н.И., 2015, с. 124). Крест с ромбовидной сердцевинкой считается «тамгой древнетюрской знати» (Кызласов Л.Р., 1965, с. 45). Рисунок 5.-2 – изображение на плите кургана среди удостоверительных знаков-тамг – парное петроглифическое сопоставление небесной пары с графическим вариантом тамги-креста над ней. Справа наблюдается тамга (лебедь?) с ромбовидным сочленением в нижней части. Рисунок 5.-3 – в составе трех тамг – два новосформированных знака с ромбовидной сердцевинкой. Рисунок 5.-4 – наиболее убедительный петрографический вариант астральных знаков – «солнце–луна» и «кыргызско-манихейский крест», воспроизведенные одной рукой в одно время. Нет сомнений в том, что сумма астральных знаков, выбитых совместно на одной плоскости с крестом, документально подтверждает время, место и согласованность культов в религиозно-историческом аспекте. Рисунок 5.-5–7 – выбивки на плитах погребений в виде парных сочетаний «солнца–луны» и производных вариантов крестов.

Рис. 6.-1 – известное изображение кыргызского наездника с торевтическим знаком-крестом с ромбовидной сердцевинкой на крупе коня (Сулек). Памятник датирован периодом древнекыргызского государства (IX–X вв.). Рисунок 6-2 – геральдический знак «Алтарная часть» из горного хрусталя с надписью на древнесирийском: «Мани, Апостол Иисуса Христа», фигура Мани считается центральной (Klimkeit H.J., 1982, plate XXXII, f. 61). Все три персонажа обозначены равнозначной эмблемой, которую можно описать так: ромб и два отростка, расходящиеся вверх. Предназначение эмблемы не сообщается, но предположительно ромбический элемент намекает на изначальный манихейский крест, не до конца продуманный основоположником доктрины символ. В связи с этим «кыргызско-манихейский» крест демонстрирует весьма полноценный образ соответственно манихейской доктрины в понятиях абстрактного моделирования мира. Крест ассимилировал визуальные формы местных вариантов крестов Центральной Азии и Южной Сибири.

Рисунок 6.-3–6 – графические примеры крестов из окружения горы Чуртаг, три из которых – с ромбовидной сердцевинкой.

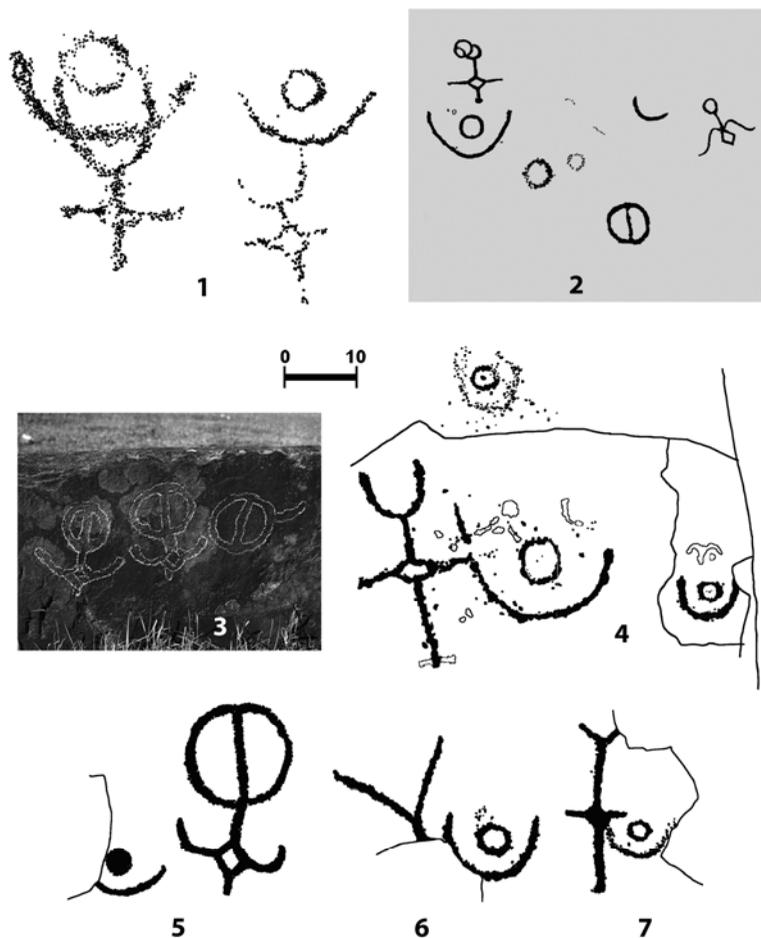

Рис. 5. 1 – совмещенные знак «солнце–луна» и тамги кыргызской знати (кыргызско-манихейские кресты), Барстаг (материалы автора); 2 – модифицированные кресты с ромбовидной сердцевиной, знак «солнце–луна» и тамги, левобережье Кизилки (материалы автора); 3 – модифицированные знаки-тамги с ромбовидной сердцевиной, Подкамень (материалы автора); 4 – «солнце–луна» в трех вариантах и кыргызско-манихейский крест, Барстаг (материалы автора); 5 – парные «солнце–луна» и крест-тамга с ромбовидной сердцевиной, Подкамень; 6, 7 – парные «солнце–луна» и варианты «креста кыргызской знати», Барстаг (материалы автора)

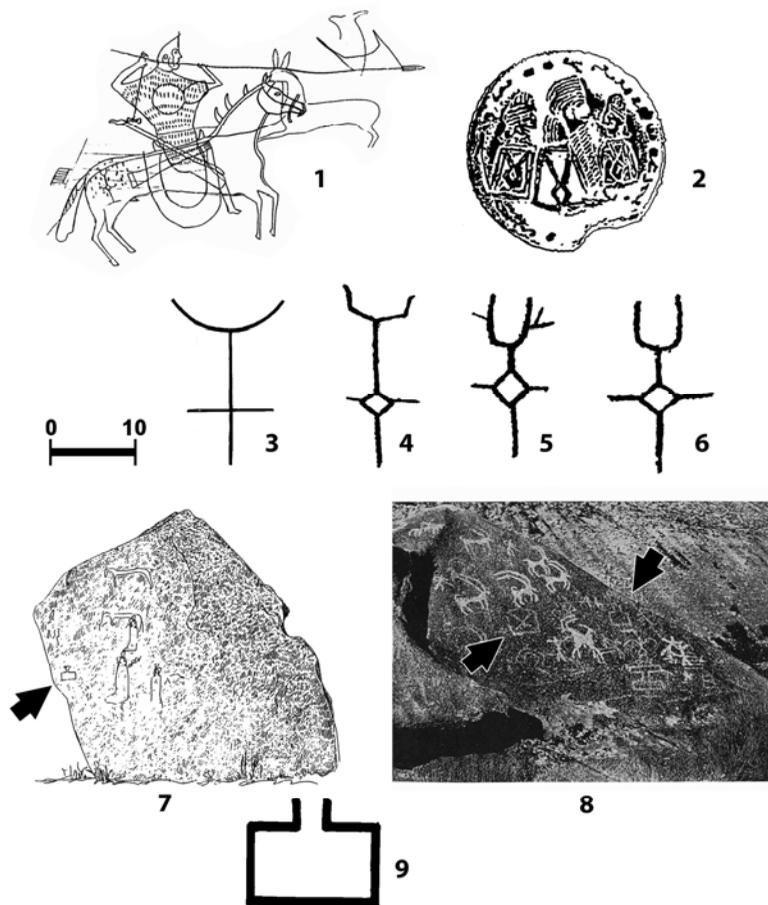

Рис. 6. 1 – кыргызский наездник с геральдическим знаком на крупе коня, Сулек (по: Appelgren-Kivalo Н., 1931, abb. 93, p. 17); 2 – геральдический знак «Алтарной части», Национальная библиотека Париж (по: Klimkejt Н.Ж., 1982, pl. XXXII, f. 61, p. 50); 3 – «тамга енисейских кыргызов» (по: Кызласов Л.Р., 1965, с. 106); 4–5 – кыргызско-манихейские кресты (Итименов) (материалы автора); 6 – кыргызско-манихейский крест (Поросенов) (материалы автора); 7 – плита с изображениями буддийской ступы и фигур в мантиях, Подкамень (хранение, Эрмитаж) (по: Appelgren-Kivalo Н., 1931, abb. 99, p. 20); 8 – изображения буддийских ступ, Северный Ладакх (Dongga, Chiglit) (по: Francke А.Н., 1978, p. 105, pl. XLIVb); 9 – схематическое изображение ступы, реконструкция

Рисунок 6.-3 – крест, «тамга 1 группы» без ромбовидного центра, является тамгой енисейских кыргызов (Кызласов Л.Р., 1965, с. 106). Знак констатирует наиболее раннюю историю тамги-креста на Енисее в социальной среде кыргызской знати. Этот символ оставил иконографический вектор от рек Июсов на юг за пределы хребта Танну-Ола и обратно – на Енисей в известный период военных походов кыргызов (840 г.).

Показательно к пояснению религиозного синкретизма на Енисее можно указать на памятник (рис. 6.-7) из окружения Горы Чуртаг (15 км). Плита (Подкамень) с изображениями пришельцев синкретиков была вывезена в Эрмитаж экспедицией под руководством Л.Р. Кызласова в 1979 г. Автор этих строк осматривал ее в хранениях Эрмитажа, благодаря любезности Л.С. Марсадолова. Копия Х. Аппельгрена-Кивало безупречна (Appelgren-Kivalo H., 1931, p. 20, abb. 99). С левой стороны от трех священнослужителей изображена прямоугольная фигура с раструбом или горловиной в верхней части (рис. 6.-7). Фигура интерпретируется нами как изображение буддийской ступы (рис. 6.-9). Подобная иконография ступ (рис. 6.-8) задокументирована в районе Северного Ладакха (Dongga, Chiglit) (Francke A.H., 1978, p. 105, pl. XLIVb). Стрелками указаны два изображения ступ прямоугольной формы. Правая фигура имеет большее сходство, левая перекрещена косым крестом. Предположительно и ниже изображена ступа в виде двухтавровой схематической конструкции. (Буддийские визуальные обозначения в Июсских степях будут рассмотрены в последующих материалах, а факты иконографических документов, говорящие о крайних пунктах манихейских маршрутов в Центральной Азии, юг–север, Ладакх–Енисей требуют особого изучения.)

Исходя из вышесказанного следует, что равноконечные кресты горы Чуртаг, совмещенные с астральными символами, в настоящий период не находят осмысления. А группа визуальной геральдики – кресты-тамги древнекыргызской знати, в паре с астральными знаками «солнце–луна», фактически документирует синкретическое явление чужеродной традиции: буддийско-манихейские сововлечения. Космические знаки солнца и луны имеют значение особой системы визуальных сообщений – пожертвований: так называемые *Святые Дары*. Они подтверждают манихейскую идентичность. Весь объем иконографии горы Чуртаг и ее окрестностей говорит о том, что манихеи-синкретики, прежде чем попасть на Енисей, прошли долгий путь превращений, получая чужие материалы. Они инкорпорировали элементы раннего буддизма, в некоторой степени – ламаизма старой тибет-

ской школы нингмапа и были знакомы с несторианством. По наблюдениям автора, синкретики позаимствовали кое-какие детали и формы религии бон, а также ассимилировали духоведческие культы на торговых путях Центральной Азии и Южной Сибири. Но этот накопленный опыт поставил под угрозу их тождество.

N.I. Rybakov

MOUNTAIN PETROGLYPHS CHURTAGH AND ITS ENVIRONS

Mountain Petroglyphs Churtagh (North Khakassia) documented by the author in 2003. They are iconic iconography foreign religious traditions and accompanying images are people in robes complex. Monument to the Discoveries Finnish expedition (I.R.Aspelin) in 1887. It is a symbolic art characterizes the religious syncretism of Buddhist-Manichaean relationship (8–10 century) in the historical environment of the ancient Kyrgyz state. Some of this has petrografiki identity and similarity of petroglyphs on the trade routes of the North of Ladakh.

Key words: syncretic art, nor the ultimate cross, the astral symbols, heraldry, Manichaeism, Buddhism, Yenisei Ladakh.

Библиографический список

- Дьяконов М.М. Росписи Пенджикента и живопись Средней Азии // Живопись Древнего Пенджикента. М., 1954. С. 139.
- Дьяконов М.М., Смирнова О.И. Эпиграфика Востока. М., Л., 1967.
- Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002. С. 248.
- Кызласов Л.Р. О датировке памятников енисейской письменности // СА. 1965. №3. С. 45.
- Маршак Б.И. Отчет о работах на объекте XII за 1955–1900 гг. // МИА. 1964. №124. С. 238–240.
- Негматов Н.Н. Божественный и демонический пантеон Уструшаны и их индоиранские параллели // Древние культуры Средней Азии и Индии / под ред. Б.М. Массона. Л., 1984. С. 146–163.
- Рыбаков Н.И. Изучение манихейской иконографии Июских степей // Религия в истории народов России и Центральной Азии: мат. Всерос. с междунар. участием конф.; под ред. П.К. Дашковского. Барнаул, 2011. 257 с.
- Рыбаков Н.И. Кыргызско-манихейский крест // Эпиграфика Востока. М., 2015. Вып. 31. 352 с.
- Хуастуанифт / введение, текст, пер. Л.Н. Дмитриевой // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963.
- Appelgren-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931.
- BeDuhn J. D. The Manichaean Body. In Discipline and Ritual. The Johns Hopkins Press. Baltimore; London, 2000. Plate 1, МІК III 4974 recto.

- Benveniste E. Notes sogdiennes (IV) // BSOS, 9–3. 1938. P. 503–504.
- Dauviller G. Les Provinces Chaldeennes “de l’Extérieur” au Moyen Age // Melanges offerts au R.P. Ferdinand Cavallera, a l’occasion de la quarantieme annee de son professorat a l’Institut Catholique. Toulouse, 1948. P. 143, 294.
- Gulacsi Z. Mediaeval Manichaean Book Art // A Codicological Study of Iranian and Turkic Illuminated Book Fragments from 8th–11th Century East Central Asia. Brill; Leiden; Boston, 2005.
- Klimkeit H.J. Die Begegnung von Christentum, Gnosis und Buddhismus an der Seidenstrabe. Herstellung, 1987. P. 36.
- Klimkeit H.J. Manichaean Art and Calligraphy. Leiden, 1982. 43f.
- Klimkeit H.J. Das Kreuzessymbol in der zentralasiatischen Religionsbegegnung // Zeitschrift fur Religions und Geistesgeschichte. V. 31. 1979a. P. 103. Taf. 8.
- Klimkeit H.J. Vairocana und das Lichtreus // Manichaische Elemente in der Kunst von Alchi (West-Tibet) // Zentralasiatische Studien. V. 13. 1979b. P. 357–399.
- Francke A. H. Antiquities of Indian Tibet // Archaeological Survey of India, New Imperial Series. Vol. XXXVIII. Part I, RAM NAGAR–NEW DELHI. 1978. P. 105. Plate XLIVb.
- Francke A.H. Felseninschriften in Ladakh // SPAW. 1925. P. 366–370. Pl. II.
- Puech. H.-C. The Concept of Redemption in Manichaeism. In // The Mystic Vision // Edited by v. Campbell. Princeton, 1968. P. 247–314.
- Uray Geza Tibet's Connections with Nestorianism and Manichaeism in the 8th–10th Centuries // Contributions on Tibetan Language, History and Culture. Vol. 1. Wien, 1983.